

ФРАГМЕНТЫ БУДУЩИХ КНИГ

DOI: 10.14515/monitoring.2018.6.22

Правильная ссылка на статью:

Бауман З. Ретротопия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 435—442. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.22>.

For citation:

Bauman Z. (2018) *Retrotopia. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 435—442. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.22>.

З. Бауман
РЕТРОТОПИЯ

РЕТРОТОПИЯ

Аннотация. В 2018 г. ВЦИОМ закончил перевод последней книги знаменитого социолога З. Баумана «Ретротопия», посвященной анализу связи современного состояния общества с его прошлым. Это издание будет представлено в рамках IX Грушинской конференции (20—21 марта 2019 г.), посвященной теме «Социальная инженерия: как социология меняет мир».

Ключевые слова: Бауман, Ретротопия

RETROTOPIA

Abstract. In 2018, WCIOM completed the translation of the last book of the famous sociologist Z. Bauman “Retrotopia”, focused on the analysis of the relationship of the current state of society with its past. This book will be presented during the IX Grushinsky Conference (March 20—21, 2019), devoted to the theme “Social engineering: how sociology changes the world”.

Keywords: Bauman, Retrotopia

Введение: эпоха ностальгии

Вот что, если вы помните, писал Вальтер Беньямин в «Тезисах о философии истории» начала 1940-х годов¹ о главной идее картины «Angelus Novus» (переименованной в «Ангела истории»), созданной Паулем Клее в 1920 г.:

¹ У З. Баумана именно так: «начала 40-х». Неоконченную работу Вальтера Беньямина (1892—1940) «О понятии истории, или Тезисы о философии» принято датировать 1940 г. (Прим. ред.)

«Лик ангела истории обращен к прошлому. Там, где для нас — цепочка предстоящих событий, там он видит сплошную катастрофу, непрестанно громоздящую руины над руинами и сваливающую все это к его ногам. Он бы и остался, чтобы поднять мертвых и слепить обломки. Но шквальный ветер, несущийся из рая, наполняет его крылья с такой силой, что он уже не может их сложить. Ветер неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, в то время как гора обломков перед ним поднимается к небу. То, что мы называем прогрессом, и есть этот шквал»².

Если почти век спустя после того, как Беньямин записал свое непостижимо глубокое и поистине бесподобное озарение, внимательно посмотреть на акварель Клее, можно снова увидеть летящего ангела истории. Но теперь зрителя, пожалуй, поразит то, что Ангел меняет направление — Ангел истории запечатлен в момент разворота, когда лик его разворачивается от прошлого к будущему, его крылья заломлены за спину шквальным ветром, который в этот раз дует из воображаемого, предвосхищенного, заранее пугающего ада будущего в сторону рая прошлого (каковым, вероятно, он ретроспективно видится после утраты и разрушения), но крылья его по-прежнему вывернуты с такой силой, «что он уже не может их сложить».

Можно заключить, что прошлое и будущее запечатлены здесь в момент, когда поменялись местами присущие им добродетели и пороки, обозначенные, по предположению Беньямина, сто лет назад художником Клее. Теперь, похоже, настал черед будущего оказаться в должниках и встать у позорного столба, раз его уже осудили за неверность и неуправляемость. Пришел черед выдать кредит прошлому — кредит доверия (заслуженно ли?) как месту все еще свободного выбора, на которое возлагаются еще не поруганные надежды.

Ностальгия, как полагала профессор славянского и сравнительного литературоведения Гарвардского университета Светлана Бойм³, — «это чувство утраты и перемещённости, а еще и роман со своей собственной фантазией» (р. xiii). Если в XVII веке к ностальгии относились как ко вполне излечимой болезни, бороться с которой швейцарские врачи, например, предлагали с помощью опиума, пиявок или поездки в горы, то «к XXI столетию этот временный недуг превратился в безнадежное состояние современности. XX век начался с футуристической утопии и закончился ностальгией» (р. xiv). Бойм фиксирует сегодняшнюю «глобальную эпидемию ностальгии, стремление к эмоциональной общности с коллективной памятью, тяготение к непрерывности в раздробленном мире» и предлагает рассматривать эту эпидемию как «защитный механизм в период ускоренных ритмов жизни и исторических потрясений» (ibid.). «Защитный механизм» сводится преимущественно к «обещанию вернуть всех домой»⁴. Он лежит в основе многих

² Цит. по: Беньямин В. О понятии истории / пер. с нем. и коммент. С. Ромашко // Новое литературное обозрение. 2000. № 46. С. 84. (Прим. перевод.)

³ См.: Boym S. *The Future of Nostalgia*. New York: Basic Books, 2001.

⁴ «Ностальгия, от двух греческих корней, «nostos» и «algia», буквально «тоска по дому»; часто это тоска по метафорическому дому, которого больше нет или, может быть, никогда и не было. Это — утопия, обращенная не в будущее, а в прошлое» (Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М.: НЛО, 2002. С. 297). (Прим. ред.)

могущественных сегодня идеологий, соблазняя нас отказаться от критического мышления ради эмоциональной близости». И Бойм предупреждает: «Ностальгия опасна тем, что ведет к смешению действительного и воображаемого дома» (р. xvi). Также Бойм подсказывает, где вероятнее всего встретить опасность: в «реставрационном» духе ностальгии, свойственном «национальным и националистическим движениям во всем мире, которые, пускаясь в антимодерное мифотворчество истории, обращаются к былым национальным символам и легендам, подпитываясь при случае конспирологическими теориями» (р. 41)⁵.

Позвольте заметить, что ностальгия — лишь один из членов довольно обширного семейства нежных привязанностей к тому, что находится «где-то там». Привязанности этого рода (как и все родственные им соблазны и ловушки, которые Бойм упомянула, говоря о «глобальной эпидемии ностальгии») издавна были неотъемлемыми элементами человеческого существования, по крайней мере, с того момента (его трудно точно определить), когда была обнаружена свобода человеческого выбора; или, точнее, эти привязанности стали таковыми, когда открылось, что осознанное поведение человека есть область выбора, и иначе быть не может, и что мир здесь и сейчас — лишь один из великого множества возможных миров прошлого, настоящего и будущего. «Глобальная эпидемия ностальгии» приняла эстафету от «эпидемии безумия прогресса» в гонке истории.

Гонка, между тем, никогда не прекращается. Она может изменить направление или переместиться на другую беговую дорожку — но не остановиться. Кафка попытался словами схватить этот внутренний, неукротимый и ненасытный императив, который повелевает и, вероятно, будет повелевать нами до скончания веков:

«Я услышал звуки трубы и спросил слугу, что случилось. Он ничего не знал, так как ничего не слышал. У ворот он остановил меня вопросом:

— Куда поскачет господин?

— Не знаю, — сказал я, — лишь бы прочь отсюда, прочь отсюда. Прочь отсюда, и всё. Только так я смогу достичь своей цели.

— Значит, Вы знаете свою цель? — спросил он.

— Да, — отвечал я, — я же сказал: прочь отсюда — это и есть моя цель»⁶⁷.

Через пятьсот лет после того, как Томас Мор, назвав утопией, отверг тысячелетнюю мечту человечества о возвращении в рай или устройении Небес на Земле, еще одна гегелевская триада, образованная двойным отрицанием, приблизилась к завершению полного круга. Сначала планы на человеческое счастье — со времен Мора связанные с неким *топосом*⁸ (с определенным местом, полисом, городом,

⁵ См.: Бойм С. С. 300—302. (Прим. ред.)

⁶ Перевод сделан по тексту З. Баумана (цит. по: Kafka Franz. *The Departure. The Collected Short Stories of Franz Kafka* / Ed. by Nahum N. Glatzer; trans. by Tania and James Stern. London: Penguin, 1988. P. 449).

⁷ Принятое в русском заглавие рассказа «Отъезд» надо бы переводить как «Отправление» — потому что у Кафки (как и у Баумана, который не раз в тексте употребляет словечко «departure» после цитирования Кафки) повествование фокусируется не на собственно отъезде — отъехал и все, — а на отправлении, где отъезд — лишь отправная точка того, что случается потом — того, что интересует автора. (Прим. ред.)

⁸ Слово «Утопия» образовано от греч. *ou* — отрицательная частица — и *topos* — место, т. е. Томас Мор назвал Утопией землю, которая нигде не существует. (Прим. перевод.)

суверенным государством, находящимся в руках мудрого и великодушного правителя) — оторвали от любых конкретных *топосов*, индивидуализировали, приватизировали и персонализировали (отдали индивидам, словно раковины улиткам), так что теперь настал черед отрицать сами планы с помощью аргументов, которые ранее доблестно и почти успешно отрицались. Пережив двойное отрицание, утопия Мора сегодня восстала в виде ретроутопии — в картинах утраченного/украденного/покинутого и призрачного прошлого. Призрачное прошлое заместило собой еще не рожденное и потому несуществующее будущее (как и дважды подвергшаяся отрицанию мечта о возвращении в рай).

«По мнению ирландского поэта Оскара Уайльда, достигнув Земли изобилия, мы должны снова устремить взор в далекий горизонт и поднять паруса. „Прогресс — это воплощение утопий“, — писал он⁹. Но дальний горизонт пуст. Землю изобилия окутал туман. Именно в тот момент, когда мы должны были бы взвалить на себя историческую задачу — придать смысл нашему богатому, безопасному и здоровому существованию, — вместо этого мы похоронили утопию. Взамен ее у нас нет другой мечты, потому что мы не в состоянии представить мир лучший, чем тот, в котором уже живем. На деле большинство людей в развитых странах считают, что их дети будут испытывать большие трудности, чем они: так считают от 50 % в Австралии до 90 % во Франции. Родители в богатых странах полагают, что их детям придется хуже, чем им»¹⁰.

Так пишет Рутгер Брегман в своей недавней книге «Утопия для реалистов»¹¹ (2016) (с подзаголовком «Кейс с общедоступным базовым доходом, открытыми границами и пятнадцатичасовой рабочей неделей»).

Приватизация/индивидуализация идеи «прогресса» и стремлений к лучшей жизни была обманом навязана силами, в лице которых большинство видело силы освобождения: освобождения от подчиненности и суровой дисциплины благодаря социальному обеспечению и государственной защите. Для абсолютного и растущего большинства такое освобождение медленно, но верно оборачивалось сомнительным благословением, вернее, даже благословением с изрядной примесью проклятья. Неудобство от необходимости соблюдать дисциплину сменилось унижительными, пугающими, лишаящими спокойствия рисками, которые, конечно же, разрушают постановленную декретом самодостаточность. Свойственный утопии (прямому предшественнику ретроутопии) страх не получить причитающиеся блага / улучшения в обмен на конформность сменился ужасом оказаться несостоятельным. Старые страхи постепенно предавались забвению, новые обретали мощь и глубину, при этом развитие и упадок, прогресс и отставание менялись местами, по крайней мере, для растущего множества невольных пешек в этой игре: они были (или сами чувствовали, что были) обречены на поражение. В конце концов маятник общественных установок и сознания качнулся в обратную

⁹ См.: Уайлд О. Душа человека при социализме // Истина о масках: эссе / Оскар Уайльд; пер. с англ. А. Зверева [и др.]. СПб.: Азбука, 2015. (Прим. ред.)

¹⁰ Цит. по: Брегман Р. Утопия для идеалистов: Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблицерс, 2018. Гл. 1. (Прим. перевод.)

¹¹ Bregman R. Utopia for Realists: The Case for a Universal Basic Income, Open Borders, and a 15-Hour Workweek. Amsterdam: The Correspondent, 2016. (Прим. ред.)

сторону: отказавшись ожидать улучшений от неопределенного и не внушающего доверия будущего, мы снова стали уповать на смутно вспоминаемое прошлое, приписав ему ценности стабильности и надежности. После такого разворота будущее из естественной среды обитания надежд и верных ожиданий превратилось в обитель кошмаров — страхов потерять работу вместе с прилагающимся к ней социальным положением, боязни того, что весь твой дом вместе с нажитым имуществом может «сменить собственника», страхов увидеть, как дети скатываются с высоты достигнутого благосостояния и престижа и как собственные навыки и опыт теряют последние крохи былой рыночной стоимости. Дорога в будущее выглядит зловеще, как путь к разложению и вырождению. Не упустит ли своего шанса путь назад, в прошлое, стать дорогой избавления от вреда, который будущее наносит всякий раз, становясь настоящим?

Влияние этого разворота, как я покажу в этой книге, видны и осязаются на всех уровнях общественной жизни — в ее новом мировоззрении и жизненных стратегиях, которые этим мировоззрением внушаются и формируются. Диагноз Хавьера Соланы, поставленный¹² всему Европейскому союзу (передовому эксперименту по выведению национальной интеграции на наднациональный уровень), с небольшой поправкой может служить типичным примером поворота «назад к прошлому», наблюдаемого на всех остальных уровнях, где в разных формах звучат поразительно похожие истории.

Как утверждал Солана: «Европейский союз охватила опасная ностальгия. Это не просто тоска по „старым добрым временам“ (когда ЕС еще якобы не посягал на национальные суверенитеты), провоцирующая рост националистических политических партий; дело в том, что европейские лидеры продолжают попытки применять вчерашние решения к сегодняшним проблемам». И он объясняет, почему это происходит, приводя самые свежие, радикальные и привлекающие внимание отправные моменты:

«В самом начале мирового финансового кризиса 2008 г. слабые экономики ЕС столкнулись с резким ростом безработицы, особенно среди молодежи, в то же время сильные экономики почувствовали принуждение к „проявлению солидарности“ реальной помощью. Когда сильные экономики помощь предоставили, они потребовали такого жесткого режима экономии, который препятствовал экономическому восстановлению стран-реципиентов. Это мало кого устроило, а многие стали винить европейскую интеграцию»,

— только для того, чтобы предупредить, что принятие подобных обвинений всерьез является фатальной ошибкой, грозящей увести нас с единственно правильного пути оздоровления сложившейся ситуации, который можно обдуманно поискать и, надеюсь, найти:

«Экономические неурядицы, испытываемые многими европейцами, несомненно, реальны, однако поставленный националистами диагноз их источника — ложен. Реальность такова, что ЕС можно критиковать за то, как он справлялся с кризисом, но его нельзя обвинять в глобальных дисбалансах экономики, которые

¹² Solana J. Europe's Dangerous Nostalgia // Project Syndicate. 2016. April 25. Disponible en [<https://www.project-syndicate.org/commentary/nationalism-leaves-europeans-at-risk-by-javier-solana-2016-04?barrier=accessreg>] (Доступ: 15.12.2018).

начали разогревать экономические распри с 2008 г. Эти дисбалансы отражают более широкое явление — глобализацию. Одни используют разочарования глобализацией как предлог для возврата к протекционизму и якобы безмятежным временам национальных границ. Другие, сожалея о национальных государствах, которых на самом деле никогда и не было, держатся за национальный суверенитет только ради отказа от дальнейшей европейской интеграции. И те, и другие подвергают сомнению основы европейского проекта. Но их память им изменяет, а стремления заводят в тупик».

«Ретротопией» я называю то, что происходит из второго отрицания, упомянутого выше, т. е. от отрицания утопии, которая по завету Томаса Мора была накрепко привязана к территориально суверенному *топосу* — к твердой почве, которая по замыслу должна была гарантировать приемлемую толику стабильности и, тем самым, приемлемый уровень самодостаточности. Отличие ретротопии заключается в том, что она одобряет, поглощает и встраивает в себя блага / улучшения, достигнутые ее непосредственным предшественником — утопией; ретротопия заменила идею «абсолютного совершенства» убежденностью в незавершенности и эндемической неустойчивости поддерживаемого порядка, допуская таким образом возможность (и желательность) бесконечной последовательности дальнейших изменений, которую исходная мечта о совершенстве *априори* делегитимирует и исключает. Верная утопическому духу ретротопия питается надеждой примирить, наконец, безопасность и свободу: на что не могла уповать ни исходная мечта, ни утопия, ее первое отрицание; а если и уповали, то безуспешно.

Я намерен кратко осветить наиболее значимые эволюции 500-летней истории современной утопии после Мора и выявить в «ретротопической» фазе истории утопии важнейшие тенденции, ведущие «назад в будущее»: в частности, реабилитацию племенной модели общества, возврат к понятию исконного/первобытного самосознания, предопределенного внекультурными, или невосприимчивыми к культуре факторами, и в целом отказ от сложившихся к настоящему времени представлений (и в социальной науке, и в общепринятых установках) о важнейших, непреложных, *sine qua non*¹³ чертах цивилизованного порядка.

Эти три отправные точки, конечно, не означают простого возвращения к практикуемому ранее образу жизни, что, как убедительно показал Эрнест Геллнер, было бы абсолютно невозможно¹⁴. Скорее они (если развить концептуальное различие Деррида) являются *итерациями*, а не *повторением*¹⁵ *status quo ante*¹⁶, предположительно или фактически существовавшего до второго отрицания: его образ сегодня существенно трансформировался в процессе избирательного запо-

¹³ Лат. — «без чего нет», т. е. таких черт, без которых нет цивилизованного порядка. (Прим. перевод.)

¹⁴ Очевидно, имеется в виду работа Э. Геллнера «Нации и национализм» (1983), в которой обсуждение возможности исторического повтора строится вокруг тезиса, что уже сам факт повторения исключает полное тождество с оригинальным явлением. (Прим. перевод.)

¹⁵ Итерация, согласно Деррида, это не точное повторение, а повторение со сдвигом, порождающим новые смыслы. Корень имеет оттенок значения и латинского *iterum* — «опять» и санскритского *itera* — «другой». Т. е. итерация — это «дружость» повторений. (Прим. перевод.)

¹⁶ Лат. — «положение, которое было прежде». (Прим. перевод.)

минания вперемешку с избирательным забыванием. И теперь эти то ли истинные, то ли мнимые черты прошлого предстают проверенными временем, незаслуженно забытыми и опрометчиво преданными разрушению и служат ориентирами/реперными точками при разработке сценария ретропии.

Чтобы показать ретропный роман с прошлым в правильном свете, с самого начала необходимо сделать еще одну оговорку. Бойм пишет, что эпидемии ностальгии «часто случаются после революций», и справедливо добавляет, что в случае Французской революции 1789 г. «не только *ancien régime*¹⁷ привел к революции, но в некотором смысле и революция породила *ancien régime*, придав ему форму, завершенность и золоченую ауру», а распространенные сегодня в России представления о последних советских десятилетиях как о «золотой эпохе стабильности, силы и „нормальности“»¹⁸, порождены падением коммунизма. Иными словами, то, к чему мы, как правило, «возвращаемся», погружаясь в ностальгические мечты, — это не прошлое как таковое, это не прошлое «*wie es ist eigentlich gewesen*» («как оно было на самом деле»), которое Леопольд фон Ранке¹⁹ советовал открывать и показывать (и многие историки, несмотря на отсутствие единодушного одобрения, этому ревностно предаются). В чрезвычайно важной работе Э. Г. Карра «Что такое история»²⁰ мы читаем следующее:

«Историк неизбежно избирателен в своем подходе к материалу. Вера в ядро исторических фактов, существующих объективно и независимо от интерпретации историка, есть не более чем нелепое заблуждение, но его очень трудно искоренить... Принято было считать, что факты говорят сами за себя. Это, конечно, неправда. Факты говорят лишь тогда, когда историк апеллирует к ним: именно он решает, какие именно факты приводить и в какой последовательности, в каком контексте»^{21, 22}.

Карр обращался к своим коллегам, профессиональным историкам, которым приписал жгучее желание находить и сообщать читателям правду, только правду и ничего кроме правды. В 1961 г., когда первые экземпляры книги «Что такое история?» появились на книжных полках, широкое распространение «политики памяти» — практики произвольного выбора и/или исключения фактов в политических (а по факту, в пользу одной из сторон) целях — еще не было таким секретом Полишинеля, как сейчас, во многом благодаря сделанному Джорджем Оруэллом предостережению в ледящем душу препарировании Министерства Правды²³, которое «постоянно обновляло» (попросту переписывало) исторические факты согласно текущим нуждам государственной политики. Но какой бы путь ни выбрали профессиональные охотники за исторической правдой, как бы трудно им ни было

¹⁷ Фр.— «старый режим». (Прим. перевод.)

¹⁸ Boym, *The Future of Nostalgia*, p. xvi.

¹⁹ Леопольд фон Ранке (1795—1886) — историограф Пруссии, в основе его исследовательской практики лежал исторический источник и его неискажающее прочтение, представление истории такой, какой она была на самом деле. (Прим. перевод.)

²⁰ Carr E. H. *What is History?* Cambridge: Cambridge University Press, 1961.

²¹ Цит. по: Карр Э. Г. Что такое история? Рассуждения о теории истории и роли историка / пер. с англ. Б. Д. Джоламанова. Алматы: Жеті Жарғы, 1997. С. 17, 16. (Прим. перевод.)

²² См: http://howitreallywas.typepad.com/how_it_really_was/2005/10/wie_es_eigenti.html.

²³ Имеется в виду роман-антиутопия Дж. Оруэлла «1984», изданный в 1949 г. (Прим. перевод.)

следовать избранному пути, на общественный форум доступ имеют не только их выводы. Их голоса не самые громкие в общем хоре, и нет гарантий, что их услышит широкая аудитория, пока их предприимчивые соперники, недобросовестные ревьюеры и менеджеры, будут стараться практическую пользу поставить выше истины в качестве главного критерия отличия правильных исторических повествований от неправильных.

Есть веские основания полагать, что появление глобальной сети связи и интернета знаменует закат Министерства Правды (но не закат «политики исторической памяти», хотя средства, чтобы положить ей конец, стали доступнее, чем когда-либо ранее, а последствия от их применения стали более действенными, пусть и не слишком продолжительными). Однако закат Министерства Правды (т. е. бесконтрольной монополии властных структур на вынесение вердикта об исторической истине) не слишком облегчил путь профессиональным искателям и глашатаям «того, как всё было», к массовому сознанию; даже напротив — он стал еще более ртутным, извилистым, опасным и ненадежным.

С углублением пропасти между властью и политикой — т. е. возможностью что-то сделать и возможностью решать, что нужно делать в рамках территориально суверенного государства, — исходная идея достичь человеческого счастья посредством проектирования и построения общества, восприимчивого к человеческим потребностям, чаяниям и стремлениям, становилась все более призрачной в силу отсутствия института, уполномоченного решать такую неимоверно сложную задачу. Как недвусмысленно выразился Питер Друкер²⁴ (возможно, вдохновленный максимой Маргарет Тэтчер: TINA — There Is No Alternative²⁵), общества, где человек прочно увязывается с совершенствованием социального устройства, в планах больше нет, и нет больше оснований ждать помощи и спасения от общества. По словам Ульриха Бека, каждому теперь нужно искать, находить и воплощать собственные решения порождаемых обществом проблем, используя свои собственные знания, навыки и ресурсы. *Улучшение общества* перестало быть целью (поскольку любые намерения и практические попытки сделать общество еще лучше оказались бессмысленными); целью стало улучшение индивидуальной *позиции* внутри не поддающегося никакому исправлению общества. Вместо коллективного вознаграждения за участие в социальных реформах каждому надлежит отстаивать свою добычу в борьбе с соперниками.

Далее я намерен собрать наиболее яркие и, возможно, наиболее важные отправные точки, связанные с появлением ретропических настроений и практик.

Переводчик В. Л. Силаева

Научный редактор перевода О. А. Оберемко

²⁴ Drucker P. The New Realities. London: Butterworth-Heinemann, 1989.

²⁵ «There is no alternative» (нет альтернативы) — излюбленный слоган Тэтчер, настолько часто ею использовавшийся, что составленная из него аббревиатура (TINA) стала ее прозвищем. (Прим. перевод.)